

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.3/.7
ББК 67.408.01

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДИКАТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Д. Е. Жуков

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Представлено комплексное исследование правовой природы и структурно-функциональных особенностей предикатного преступления в системе современного российского уголовного права. Актуальность темы обусловлена отсутствием легального определения предикатного преступления, что создает трудности в правоприменительной практике.

Автором проводится системный анализ признаков предикатного деяния, а также детально рассматривается специфика его взаимосвязи с основным преступлением. В работе предложена авторская типология межуровневых связей, выделены их отличительные черты и критерии классификации. Особое внимание уделено междисциплинарному подходу: сквозь призму юридического и лингвистического анализа содержания термина «предикация» раскрывается внутренний механизм нормативного регулирования предикатных связей в статьях Особенной части УК РФ.

В результате работы приведена предлагаемая дефиниция предикатного преступления, включающая его основные признаки. Внедрение предложенной терминологии в доктрину уголовного права нацелено на унификацию правоприменительного подхода и минимизацию ошибок при квалификации преступлений. Выводы статьи могут быть использованы для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное право, предикатное преступление, состав преступления, юридическая конструкция, квалификация преступлений, законодательная техника, легализация (отмывание), организованная преступность

THE LEGAL NATURE OF PREDICATE CRIME IN MODERN CRIMINAL LAW

D. E. Zhukov

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

The article presents a comprehensive study of the legal nature and structural and functional features of predicate crime in the system of modern Russian criminal law. The relevance of the topic is due to the lack of a legal definition of predicate crime, which creates difficulties in law enforcement practice.

The author conducts a systematic analysis of the signs of a predicate act and examines in detail the specifics of its relationship with the main crime. This paper proposes the author's typology of inter-level relationships, highlights their distinctive features and classification criteria. Special attention is paid to an interdisciplinary approach: through the prism of a legal and linguistic analysis of the content of the term

“predication”, the internal mechanism of regulatory regulation of predicate relations in articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation is revealed.

As a result of the work, the proposed definition of predicate crime is given, including its main features. The introduction of the proposed terminology into the doctrine of criminal law is aimed at unifying the law enforcement approach and minimizing errors in the qualification of crimes. The conclusions of the article can be used to further improve criminal legislation and optimize law enforcement practice.

Keywords: criminal law, predicate offense, corpus delicti, legal structure, qualification of crimes, legislative technique, legalization (laundering), organized crime

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)2.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)2.14)

Традиционно в науке уголовного права в зависимости от момента окончания посягательства на охраняемые общественные отношения и наличия общественно опасных последствий как обязательных признаков различают четыре основных вида законодательных конструкций состава преступления: материальный, формальный, усеченный и состав опасности, теоретическое выделение которых, впрочем, является предметом множества дискуссий. При этом А.А. Крутчиков отмечает, что на современном этапе развития уголовно-правовой науки исследователям не следует ограничиваться лишь этими видами, ведь законодатель предоставляет возможность классифицировать их по самым разным основаниям [1, с. 55]. Именно это позволяет говорить об определенном многообразии сочетаний объективных и субъективных признаков для описания того или иного общественно опасного деяния, признаваемого преступным. Например, В.Н. Кудрявцев на основе категорирования ряда «больших и малых» признаков состава преступления с помощью математических вычислений выделил 576 возможных вариантов при различном их комбинировании [2, с. 77]. Такое, хотя теоретическое, однако вполне вероятное многообразие возможностей закрепления законодателем признаков преступлений обуславливает в том числе наличие множественных юридико-технических связей между различными статьями уголовного закона, выраженных, как правило, в отсылочном и бланкетном способах формирования правовых норм. Подобным связующим звеном в науке уголовного права выступают так называемые предикатные преступления.

Слово «предикат» в логике и языкознании используется для обозначения определенной части суждения. Иными словами, предикатным элементом в логической цепочке выступает сказанное или сказуемое, которое раскрывает подлежащее. При этом именно в предикатной части предложения содержится наиболее важное определение о субъекте. Предикативность также выражает взаимозависимость двух и более признаков, один из которых, однако, может в действительности отсутствовать в конкретном высказывании [3, с. 82]. Безусловно, все вышесказанное относится скорее к терминологии лингвистики, но этимологическое значение слов «предикат», «предикация», «предикатный» позволяет рассматривать понятие предикатного преступления с правильной стороны, ведь описание любой нормы права как определенного предписания происходит с использованием именно языковых средств и приемов, составляющих основу юридической техники.

В зарубежной научной литературе появление термина «предикатные преступления» связывают с принятием федерального закона США «RICO» (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) 1970 г., который устанавливает уголовную ответственность за совершение преступлений в составе банды и преступного сообщества [4]. Примечательно, что привлечение лица к ответственности по этому закону возможно лишь при установлении как минимум двух эпизодов совершения преступлений в составе организованной группы, прямо перечисленных в тексте статута. Именно эти правонарушения признаются «предикатными деяниями» (predicate acts), т. е. с точки зрения юридической техники раскрывающими содержание деятельности руководителей и членов таких организаций [5, с. 24].

Еще один федеральный закон США — «О банковской тайне» (The Financial Recordkeeping and Reporting of Currency and Foreign Transactions Act или Bank Secrecy Act) 1970 г., направленный на обеспечение безопасности финансовой системы США от неправомерного оборота денежных средств, имеющих преступное происхождение [6], предписывает кредитным организациям, подпадающим

под его действие, совершать записи подозрительных операций, сумма которых в сутки превышает \$ 10 000. В рамках исследуемого вопроса интерес вызывает указание на перечень преступлений, получаемая прибыль от которых признается незаконной. К таковым закон относит, в частности, уклонение от уплаты налогов, мошенничество, торговлю наркотиками, финансирование терроризма. Предикатная связь в данных группах преступлений усматривается в последующем поступлении нелегально полученных денежных средств в национальную банковскую систему.

В 1990-е гг. понятие предикатных преступлений получило нормативное закрепление с принятием Рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), направленных на противодействие незаконной деятельности, связанной с легализацией денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, и финансированием терроризма [7]. Именно в этом международном акте впервые в тексте используется словосочетание «predicate offences», что является наиболее значимым в контексте изучаемой темы. В соответствии с этим предикатными признаются преступления, совершение которых ведет к образованию неправомерного дохода, подвергающегося впоследствии финансовой инициации, трансформации и интеграции для придания законного вида [8, с. 79].

Представляется, что в настоящее время рассматриваемый термин употребляется в международном научном сообществе, как правило, в контексте легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем. Объясняется это следующим: во второй половине XX в. вместе со стремительным развитием технологий заметно увеличилось число латентных преступлений, прямо или косвенно связанных с незаконной экономической деятельностью. Наличие в современном мире множества теневых экономических процессов, выраженных в деятельности преступных сообществ и финансировании терроризма, обуславливает и достаточно обширный перечень уголовно наказуемых деяний, признаваемых предикатными по отношению к отмыванию [9, с. 7]. Вместе с тем предикатные связи как в международном, так и в национальном уголовном праве не ограничиваются лишь вышеперечисленными группами преступлений глобального характера и могут быть применены к самому широкому кругу уголовно наказуемых деяний.

Хотя УК РФ 1996 г. и не содержит прямого указания на то, что между некоторыми преступлениями существует предикатная связь, однако это усматривается через конструктивные признаки отдельных составов преступлений в Особенной части. Сама конструкция состава предикатного преступления является относительной, т.е. само по себе такое преступление едва ли можно назвать предикатным в отрыве от контекста взаимосвязи с иной статьей Особенной части УК РФ. В этом смысле основное преступление по отношению к предикатному выступает как бы вспомогательным деянием, которое служит способом доведения преступного умысла, охватывающего несколько отдельных составов, до логического завершения [10, с. 252]. В качестве примера можно рассмотреть совокупность преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 174¹ УК РФ, где последующее отмывание дохода, полученного от мошеннических действий, следует признать зависимым от предикатного преступления деянием в том смысле, что без полученных преступным путем денежных средств и иного имущества невозможно наличие в действиях лица признаков легализации такого предмета.

Вместе с тем в отечественной терминологии наблюдается некоторая неопределенность в том, какие преступления являются основными, а какие — предикатными по отношению к ним. К примеру, конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма», принятая в Варшаве 16 мая 2005 г., в ст. 1 раскрывает понятие «predicate offence», относя к нему любое преступное деяние, в результате которого образуется доход, впоследствии выступающий предметом легализации (отмывания) [11]. Однако в официальном переводе конвенции на русский язык данный термин фигурирует как «основное преступление», что при системном толковании может вызвать путаницу. С чем связан именно такой вариант перевода, не совсем понятно. В англо-русском словаре Кембриджа слово «predicate» — это «предикат, сказуемое, утверждать, предикативный» [12]. Исходя из этого, утверченный вариант перевода является несколько вольным, не соответствующим ранее принятым международным актам, в том числе рекомендациям ФАТФ. Для обеспечения единообразного подхода к дифференциации предикатного и основного преступлений в их взаимосвязи предлагается следующий подход.

Прежде всего стоит отметить, что понятие предикатного преступления, по своей сути являющееся производным от термина, который законодатель описывает в ст. 14 УК РФ, неразрывно связано с понятием состава преступления как единственного основания уголовной ответственности. В связи с чем преступление может быть раскрыто через вполне конкретные объективные и субъективные признаки его состава [13, с. 46]. Как известно, юридическая конструкция в диспозициях статей Особенной части УК РФ представляет собой совокупность признаков предписываемого либо воспрещаемого поведения субъектов регулируемых правоотношений. Исходя из этого предикативность преступления может быть раскрыта через соответствующие отсылочные формулировки в тексте статьи закона. К таковым, в частности, следует отнести: «в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений», «с целью скрыть другое преступление», «приобретенным преступным путем», «сопряженное с» (только в тех случаях, когда это деяние образует совокупность) и ряд других. Таким образом, законодатель обращает внимание правоприменителя на то, что рассматриваемое единичное преступление совершается с умыслом на последующее ведение преступной деятельности либо имеет «корни» в другом криминальном деянии.

Отдельно подчеркнем, что указанные выше формулировки содержатся не в предикатном, а в основном преступлении, которое и включает отсылку к иному уголовно наказуемому деянию. Сама же отсылка как «техничко-юридический прием или способ формулирования правовой нормы» [14, с. 26] может перечислять пункты-части-статьи предикатных преступлений либо прямо не называть их. В случае отсутствия прямой отсылки наличие предикатной связи может следовать из смысла рассматриваемой нормы, расширительное толкование которого дается в официальных разъяснениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. То есть отсылка в таком случае является абстрактной, «не указывающей абсолютно все нормативные положения, которые охватываются типичной ситуацией» [15, с. 57]. Данный признак обоснован вероятным наличием у виновного лица преступного умысла, охватывающего несколько разнородных деяний, образующих множественность преступлений. Другое наименование данного явления в уголовном праве — преступный интерес, внешняя форма которого, как утверждал Н. С. Таганцев, может быть выражена в посягательствах на материальные или идеальные объекты [16, с. 405]. В ряде случаев достижение планируемого результата невозможно без совершения дополнительных мероприятий: вспомогательных или обслуживающих основную преступную деятельность, что в совокупности следует трактовать как системное (комплексное) нарушение закона. При данной модели хронологически можно представить три различные ситуации:

- 1) предикатное преступление выступает предшествующим по отношению к основному;
- 2) предикатное преступление совершается одновременно с основным преступлением либо с небольшой задержкой после окончания последнего;
- 3) совершение предикатного преступления следует после основного со значительным временным промежутком.

Однако с этой точки зрения предикатная связь между составами преступления будет наличествовать лишь при условии отсылочного характера рассматриваемой нормы. Например, в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ имеется указание на цель — «скрыть другое преступление или облегчить его совершение», обуславливающую сопряженность с предикатным преступлением, связь с которым установлена через субъективные признаки основного преступления (квалифицированного убийства), тогда как в ряде других статей Особенной части УК РФ предикатная связь усматривается в объективных признаках [10, с. 260]. Так, в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК РФ, превалирует именно объективная предикатная связь, которая содержится в предмете, определяемом как «денежные средства или иное имущество, заведомо приобретенное другими лицами преступным путем». Данный предмет по смыслу указанной нормы образуется в результате совершения предикатного преступления, в данном случае являющегося первичным и определяющим возможность последующей легализации преступного дохода.

В случаях же, когда имеет место сложное единичное преступление, квалифицируемое по соответствующему пункту и части одной статьи Особенной части кодекса, предикатная связь отсутствует. То же можно сказать и о тождественных множественных преступлениях: они не могут раскрывать друг друга в силу одинакового юридического содержания. В этом смысле предикатное преступление выступает по отношению к основному, по крайней мере, однородным, т. е. «с тождественными

или сходными объектами посягательства и одной формой вины, но различающиеся по объективной стороне, мотивам и целям деяния» [17, с. 329], однако же в большинстве случаев — разнородными. Кроме того, наличие единого субъекта преступления в таких составах не требуется. Например, лицо, создавшее преступное сообщество или осуществляющее руководство его членами, по общему правилу несет ответственность за все совершенные участниками такой организации преступления как соисполнитель, если они охватывались его умыслом [18].

Говоря о правовой природе предикатных преступлений и их месте в общей теории уголовного права, представляется возможным выделить их основные признаки.

1. Предикатное преступление всегда находится во взаимосвязи с иным деянием уголовно-правового характера, определяет наличие и соответствующую квалификацию «основного преступления», рассматриваемого в каждом конкретном случае.

2. Предикатное свойство преступления раскрывается через признаки состава основного преступления как юридической конструкции диспозиции уголовно-правовой нормы.

3. Предикатное преступление взаимосвязано с основным преступлением через объективные либо субъективные признаки состава последнего.

4. Основное и предикатное преступления совершаются одним и тем же либо разными лицами [19, с. 113–114; 20, с. 172–173].

5. Сложное единичное или тождественные множественные преступления не могут быть признаны предикатными.

На основе выделенных особенностей полагаем возможным дать определение. Предикатное преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, которое находится в объективной или субъективной взаимосвязи с иным уголовно наказуемым деянием и служит необходимым условием и элементом квалификации последнего. Данная дефиниция включает в себя рассмотренные выше признаки и отражает существо рассматриваемого термина в системе уголовно-правовых наук. Полагаем, предложенное понятие позволит прийти в профессиональной среде к единому пониманию правовой природы предикатных связей в отличающихся по своему содержанию преступлениях.

Помимо этого, данное определение позволяет сделать немаловажный вывод о том, что понятие предикатного преступления занимает отдельное положение в общей теории уголовного права, выступая в качестве учения о наличии диалектической связи между разнородными уголовно наказуемыми деяниями. Предложенный тезис «диалектическая связь» отражает обусловленное рядом юридических фактов одностороннее развитие основного преступления из предикатного и раскрывается через выработанные в науке и судебной практике правила квалификации преступлений, обосновывающие выбор правоприменителем юридического описания совершенного деяния через ссылку на действующие (действовавшие) нормы уголовного закона. Например, при рассмотрении вопроса квалификации вовлечения несовершеннолетнего в торговлю наркотическими средствами и психотропными веществами как совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 и ст. 228¹ УК РФ, именно направленность умысла на несанкционированное распространение ограниченных в обороте предметов является определяющей возможностью привлечения подстрекателя к уголовной ответственности по специальной норме, вне зависимости от стадии совершения, на которой действия несовершеннолетнего вовлекаемого были пресечены [21]. Иными словами, одно из деяний в подобных примерах должно рассматриваться как определяемое по отношению к определяющему [3, с. 83].

Вместе с тем предикатные преступления не обладают признаками, присущими правовому институту, так как могут быть представлены довольно обширным перечнем. Однако возможность выделения отличительных черт предикативности в контексте изучения системности уголовного права позволяет говорить о том, что составы предикатных преступлений подчиняются определенным правилам конструирования как с точки зрения юридической техники, так и с позиции уголовно-правовой политики государства. Кроме того, отдельные признаки предикативности раскрываются через издавна устоявшиеся уголовно-правовые институты, полностью не охватывая их, такие как множественность преступлений, соучастие, прикосновенность к преступлению и др. Следует полагать, что последующее изучение предикатных связей в статьях Особенной части уголовного закона невозможно без кон-

статации значимости данного явления для развития уголовно-правовой науки как в указанном аспекте, так и в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кругликов Л. Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 53–60.
2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. 302 с.
3. Николаева Т. Н. Критический анализ понятий «предикация» и «предикативность» в современной лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 82–87.
4. Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act (RICO) // United States Code. Title 18. Chapter 96. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-96> (дата обращения: 09.02.2025).
5. Hill J. An Analysis of the Racketeer Influenced Corrupt Organizations Act: How a Once Promising Bill Became a Corporate Nightmare [Senior Thesis]: University of South Carolina. Columbia, SC, 2017. 44 p. URL: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/164 (дата обращения: 09.02.2025).
6. Bank Secrecy Act of 1970 // United States Code. Title 31. Chapter 53. URL: https://www.law.cornell.edu/topn/bank_secrecy_act (дата обращения: 09.02.2025).
7. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. The FATF Recommendations. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (дата обращения: 09.02.2025).
8. Козлов И. В. О стадиях процесса легализации преступных доходов // Финансы и кредит. 2007. № 31. С. 76–79.
9. Ярлыков С. Ю. История и причины возникновения нового направления в банковской деятельности: противодействие легализации преступных доходов // Финансы и кредит. 2008. № 11. С. 7–10.
10. Ашин Д. А. Виды предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 251–261.
11. The Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism (CETS 198) // United Nations Library. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210477024s004-c012> (дата обращения: 09.02.2025).
12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge: Cambridge University Press., 2020.
13. Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М.: Проспект, 2021. 416 с.
14. Демин А. В., Кипарисов Ф. Г. Бланкетный и отсылочный способы формирования правовых норм: понятие, систематизация, проблематика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 25–32.
15. Хованцев А. С. Отсылка как прием юридической техники // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 56–57.
16. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
17. Кругликов Л. Л. Уголовное право России. Часть Общая: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 564 с.
18. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
19. Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление: вопросы теории: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 251 с.
20. Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 352 с.
21. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.